Александр ДИВЕЕВ (г.Ртищево Саратовская обл.)

Фронтовик

Праздник Победы — 9 Мая —

Словно атака накатит.

Голову склонит к наградам, вздыхая,

Выпьет сто грамм — и заплачет.

Сердцем усталым, рукою беспалой

Памяти тронет гашетку.

Верит: погибшие вовсе не пали —

В вечность ушли, как в разведку.

Их небеса никогда не забудут.

Помнят о них ветераны,

И умирают на Родине, будто

На высоте безымянной.

Край ты мой

Шурави.

Край ты мой.

Здесь ни грусти, ни жажды.

Отдыхаю в труде, в тишине.

Мама как-то спросила однажды:

«Как там было, на этой войне?»

… Нарываясь в горах на засады,

В жарких схватках друзей я терял.

И, как отблеск кромешного ада,

Мне всё снятся Кабул, Кандагар…

Но о службе рассказ мой туманен,

Не вступал, мол, с душманами в бой,

Ну, а то, что я всё же был ранен,

Это, знаешь ли… пулей шальной.

Мама всё не приемлет на веру,

И в словах её чувствую боль:

«Как повесил мундир в шифоньер ты,

Так куда-то исчезла вся моль».

Много дел есть на родине милой,

Но живёт в моём сердце Афган.

«А уйду, — попросил, — на могиле

Посадите мне чёрный тюльпан…»

На родине

Туманы белы

Над тихой Русью.

Где жизнь кипела,

Там — захолустье.

Без песен поле,

Печален аист.

Избушек боле,

Чем их хозяев.

И, отовсюду

Прошит ветрами,

Грустит над прудом

Мой домик мамин.

Никем не встречен —

Все на погосте.

А я, сердечный,

Опять к ним в гости.

И не «палёной»

В стакан налью я.

Брал по талонам,

Сберёг, родную.

И пью за маму,

За друга Женьку,

И жизни драму —

За деревеньку.

И — «…хали-гали…»,

«Лечу» к голубке, —

То ль к дому Вали,

А может, Любки?

Поэт, заблудший

В прогорклой жизни,

Иль лет минувших

Пьянющий призрак?

А кто-то рядом

С косой знакомой.

«Эй! Как тебя там?

Меня б до дома…»

Мать и дети

Если Родина — мать, то тогда

У неё, как у женщин, наверно,

Есть любимцы сынки — города

И постылые дочки — деревни.

Каждый отпрыск ухожен и сыт.

Он безмерно изнежен, балуем.

И у девок не спит аппетит?

Изумрудною ложкой по лбу им…

Кто ж, природе самой вопреки,

Рассадил матке в сердце «цветочки»,

Мол, кровинушка — это сынки,

И аппендикс — никчёмные дочки?

Зацветут на стремнине беды

Горьки «ягодки» в поле «цветочном»:

Не подаст сын и кружки воды;

Дочка кашей накормит молочной?

А когда ни к чему станет быть,

И косой приоткроется дверца,

Может, надо б ей пересадить

Деревень умирающих сердце?

Чтоб могла в Храм прийти на часок,

Заказать покаянную требу,

Чтобы нищим — последний кусок,

И молитвы — далёкому небу…

Романтичней над ней шёпот звёзд

И терпимей её злые бури.

В море чёрном на рифах мой тост:

«За Россию… Здоровья ей… Будем…»

Чёля

В красных шароварах и в мужских ботинках.

На лохматой шапке галка перья холит.

У костра в метели спит с дворняжкой Динкой

Гражданин Союза — бомж по кличке Чёля.

Новой русской жизни — ветошь, отымалка.

От парней когда-то не было отбоя.

А теперь за нею по вонючей свалке

Кобели-собаки бегают толпою.

Вот — гнилая рыба, рядом — ломтик хлеба,

В старых банках пиво (взрослые, как дети).

И возносит руки с умиленьем к небу:

«Хорошо как, Боже, что Ты есть на свете…»

Как-то ночью пьяной, перебрав маленько,

О желаньях вспомнив юности далёкой,

Нарядившись кралей, в бок толкнула Веньку:

«Ну-к, пойдём в посадки, чтоб с резинкой тока».

Как в пустых карманах — ни копейки в сиськах,

И лицо, что в саже, ясно — не заметно.

Думалось по пьяни, что жуёт сосиску,

Ан тампоном женским подавился, бедный.

А порою копы, с версией уютной,

Заметут, за «стольник», планы выполняя.

Но, чтоб не случилось, в житие беспутном

Ей приютом свалка — родина вторая.

В красных шароварах и в мужских ботинках,

Сгорбленной подковой, вроде не калека,

По людским отстоям бродит Чёля с Динкой,

Иль собака ходит с тенью человека…